

Посвящается матери

어머니께

Марго

Осень 2014 г.

Последний разговор с матерью показался Марго непримечательным, совершенно заурядным — унылая, заедающая шарманка на двух языках, понятная лишь наполовину.

«Покупателей почти нет. Корейцы закрывают свои лавки даже в центре».

«Что ты ела на ужин?»

«Теперь все ходят в сетевые супермаркеты вроде «Таргета», цены такие же, да и чище».

Мозг Марго напоминал рыболовную сеть с крупным плетением, через которую, как мелкие рыбешки, проскальзывали корейские слова. Когда-то она пыталась эту сеть затянуть, но изучение иностранных языков, особенно родного языка матери, лишь выводило ее из себя. Ну почему мама так и не выучила английский?

Однако тот разговор состоялся две недели назад, и с недавнего времени Марго мучил только один вопрос: почему мама не берет трубку?

Ливень хлестал не переставая. В запотевшем лобовом стекле, по которому беспрерывно скользили дворники, расплывчато мелькали забегаловки и заправки, мотели и рекламные щиты, люксовые аутлеты

и семейные развлекательные центры. Марго вцепилась в руль мокрыми, дрожащими руками. Дождь начался час назад, когда они с Мигелем остановились на севере Портленда, чтобы глянуть на знаменитую десятиметровую статую Поля Баньяна — героя американского фольклора, гигантского дровосека в красно-белой клетчатой рубашке на выпяченной груди, с сияющей мультяшной улыбкой и топором, который он держал перед собой обеими руками.

День начался еще в Сиэтле с того, что Марго набила дорожную сумку и рюкзак вещами на неделю и заехала за Мигелем с его двумя большими чемоданами и тремя растениями в горшках, после чего они отправились в долгий путь на юг, в Лос-Анджелес, где жила мама Марго и куда переезжал Мигель. Они планировали переночевать у его родителей в Дейли-Сити, до которого еще предстояло ехать около десяти часов.

В начале поездки Мигель оживленно подпевал по радио *Don't Stop Believin'* и шутил о мужчинах, которых встретит в Лос-Анджелесе. Однако теперь, почти четыре часа спустя, он молча смотрел в окно, подперев голову ладонью, и глубоко дышал, словно изо всех сил стараясь ни о чем не думать.

— Эй, ты чего приуныл? — спросила Марго.

— Да так — задумался о родителях.

— О чем именно? — Она надавила на газ.

— О том, что вру им.

Мигель устроился в бухгалтерскую фирму в Лос-Анджелесе — поближе к своей мечте играть в театре. Последние два года они вместе работали в некоммерческой организации для людей с ограниченными возможностями: Марго — помощником по административным вопросам, а он — бухгалтером. Хоть ей и не хотелось расставаться с другом, она была за него рада.

— Врешь о настоящей причине переезда? Или о занятиях по актерскому мастерству? Или о пьесах, которые пишешь? Или о профиле в «Грайндере»?¹

— Обо всем вместе.

— Ты никогда не хотел им признаться?

— Хотел. — Мигель вздохнул. — Но так проще.

— Думаешь, они сами не догадываются?

— Конечно, догадываются... — Он устало провел рукой по волосам. — Иногда семья держится на лжи.

— Ха! А как тогда называются люди, чьи отношения держатся на правде?

— Ну, я лично с такими не знаком... может, ученые?

Марго рассмеялась, хотя надеялась услышать в ответ: «Друзья». Она заметила указатель Сейлема и вдруг осознала, как у нее онемели руки.

— Тебе не нужно в туалет?

— Не-а. Мы ведь остановимся в Юджине?

— Ага, через час или около того.

— Я бы перекусил. — Порывшись в рюкзаке на заднем сиденье, Мигель достал яблоко и протер его краем рубашки. — Будешь?

— Пока нет, спасибо.

Его зубы с хрустом вонзились в сочную мякоть, чей сладкий аромат расползся по салону, смешавшись с запахом сырых ковриков и обогревателя.

Перед мысленным взором Марго внезапно вспыхнула картинка из прошлого: безмятежное лицо матери, ее высокие скулы, опущенные глаза, расслабленный рот — она чистит яблоко, создавая длинную ленту

---

¹ «Грайндер» — мобильное приложение для знакомства людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией (*здесь и далее — прим. пер.*).

кожуры, которая принимает форму прежней жизни. В детстве Марго бережно, как маленького зверька, брала эту ленту в руки. Она словно подтверждала, что мама может быть своего рода волшебницей — творцом, рассказывающим историю целого с помощью его частей: вот кожура плода, таков его запах, таков цвет, такова форма.

— Надеюсь, погода прояснится, — прервал воспоминание Мигель. — В Калифорнии нас ждет участок узкого серпантина с сильным ветром, где придется ехать по краю обрыва. Прямо-таки испытание водительских навыков.

— О боги! Давай не будем об этом.

Марго сосредоточилась на скользкой от дождя дороге, расплывчатых огнях, желтых и белых линиях разметки, похожих на разматывающуюся пряжу. Вновь вернулись мысли о матери, которая терпеть не могла ездить по трассе, — о матери, которая не брала трубку. Где же она?

Заскрипели дворники, очищая лобовое стекло от потоков дождя.

— А ты как? — спросил Мигель. — С нетерпением ждешь встречи с мамой?

У Марго похолодело внутри.

— Вообще-то я уже несколько дней пытаюсь до нее дозвониться и предупредить о нашем приезде. — Она сжала руль и вздохнула. — Вообще-то я не хотела ей говорить, а потом мне стало стыдно, ну и...

— И чего?

— Не знаю, она не берет трубку.

— Хм... — Мигель заерзал. — Может, телефон разрядился?

— У нее стационарный. Даже два — на работе и дома.

— Может, куда-то поехала?

— Она никуда не ездит.

На запотевшем лобовом стекле виднелись разводы от предыдущих попыток его очистить. Марго резко втянула носом воздух.

— Неужели ей никогда не хотелось попутешествовать? — недоуменно нахмурился Мигель.

— Ну, она всегда мечтала побывать в Йосемитском национальном парке и Гранд-Каньоне. Даже не знаю почему.

— Старая добрая трещина в земле, Марго. Божественное творение. Неудивительно, что ей хотелось на нее поглядеть.

— Для корейских иммигрантов это что-то вроде ритуала — поездить по национальным паркам, надев походные шляпы, штаны хаки и тому подобное. Такие места для них как символ Америки.

— Уверен, с твоей мамой ничего не случилось, — попытался успокоить ее Мигель. — Когда вы в последний раз виделись?

— На прошлое Рождество.

— Может, у нее куча дел. Скоро приедем и узнаем.

— Да, наверное. Наберу ей еще раз, когда остановимся.

Тугой ком в груди все нарастал. Марго нервно покрутила радио, но шли одни помехи, сквозь которые изредка прорывались отрывки рекламы и голос ведущего.

С мамой все будет в порядке. И с ними все будет в порядке.

Теперь, после переезда Мигеля, у Марго появится повод чаще приезжать в Лос-Анджелес. Дорога впереди походила на яблочную кожуру. Дворники безжалостно сметали со стекла капли дождя.

В Калифорнийском городке Реддинге, окруженном горами и густым лесным заповедником, Марго с Мигелем остановились в первой попавшейся закусочной — с засаленными ложками, красными диванчиками из дерматина, музыкальным автоматом и официанткой в белой форме. Хостес, светловолосая девушка с хвостом на макушке, подвела их к одному из столиков и вручила ламинированные меню. За стойкой в одиночестве сидел старик в сетчатой кепке, которые обычно носят дальнобойщики, за соседним столиком две девочки раскрашивали бумажные салфетки под присмотром родителей.

Родом из Лос-Анджелеса, из Корейского квартала, где повсюду одни корейские да мексиканские кафешки, Марго всегда считала классические американские закусочные «очаровательными» и «романтичными» — они часто выступают декорацией для фильмов и рассказов о скромном героизме порядочных, трудолюбивых белых американцев, отдыхающих перед очередным подвигом. Когда Марго переехала в Сиэтл восемь лет назад, у нее появились первые белые друзья — люди, которых будто совсем не заботят их корни, цвет кожи и внешность в целом; словно весь мир создан для них — что в некотором роде правда. Многие из них — с голубыми глазами и узкими носами, — даже не обладая модельной внешностью, казались привлекательными просто потому, что были белыми.

Марго не нравилось так думать, поскольку чисто теоретически это глупость. Красота всего лишь социальный конструкт. Однако теория далека от реальности, в которой мы живем. Теория не течет в крови. Теория не вычеркнет из памяти Марго годы, которые она провела перед зеркалом, вглядываясь в свое отражение и видя лишь пустое место — не главную ге-

роиню и не красавицу, а максимум персонажа второго плана или бессловесную массовку, которая в лучшем случае сойдет для экзотики, оставаясь безличной и неинтересной. В юности Марго часто мечтала: «Вот бы у меня были большие глаза. Вот бы у меня были каштановые волосы вместо черных. Вот бы, вот бы...»

Официантка принесла заказ, прервав ее размышления. Марго с Мигелем тут же набросились на чизбургер, картошку фри, сэндвич с тунцом на ржаном хлебе и томатный суп. Марго попыталась есть медленнее, но все было слишком вкусным, слишком идеальным и очень американским. Их окружали лишь звуки поедания пищи и поглощения напитков: чавканье и прихлупывание — настоящий оркестр удовольствия. Она хотела остаться в этой закуской навечно — забыть о проблемах, о Лос-Анджелесе, о матери.

— Ну что, снова в путь? — спросил Мигель. — Хочешь, я поведу?

Они расплатились и вышли на улицу. Тучи рассеялись, открыв вечернее небо, обещавшее звездную ночь. Луна сияла серебристо-белым светом, как дверной глазок, подсвеченный изнутри. Похолодало. Марго пожалела, что не взяла с собой зимнее пальто, а ограничилась ветровкой и несколькими свитерами, поскольку зима в Лос-Анджелесе теплее, чем в Сиэтле.

Мигель подогнал зеркала и сиденье в машине под свой рост — верхушка его уложенных волос касалась крыши — и выехал на шоссе. Ловко лавируя между медлительными водителями, он всегда включал поворотники и никого не подрезал. Марго даже не представляла, что ее машина может быть такой быстрой и проворной, не представляла, как такая уверенность и бесстрашие могут одновременно впечатлять и ужа-